ПОЛЬСКОЕ КАТОЛИЧЕСТВО В РОССИИ И РУССКОЕ КАТОЛИЧЕСТВО СЕГОДНЯ

Вера – основной нерв человеческой жизни, самое драгоценное сокровище души. И если в этом пункте нет единения, то всякое другое единение – культурное, научное, политическое – будет уже подорвано и ненадежно.

Славяне по природе особенно религиозны. Для них религия – не привесок к жизни, но самая жизнь. Славяне не забавляются религией, но живут религией. В религиозном отношении немцы пред славянами никуда не годны. Славяне и к католичеству относятся со свойственной им стихийной религиозностью. Из католиков современных, мне кажется, наиболее религиозны, стихийно религиозны, поляки. Отпадение от Церкви славянина естественно затрагивает в самом существе его отношение к славянству вообще.

Священномученик Иларион (Троицкий)

При всем религиозном многообразии российского общества и религиозном эклектизме в сознании большинства наших современников, пожалуй, ни одна конфессия не вызывает столь бурных эмоций и часто столь же бурной неприязни, как католицизм. Нетерпимость к нему не может быть объяснена общей нетерпимостью к инаковерцам. Феномен современного российского католицизма можно объяснить, лишь осознав его место в контексте русской духовной и политической культуры.

Воронцова Л., Филатов С.

Короткий период легального развития католичества в Русской империи в начале XX столетия был ознаменован, с одной стороны, критикой русских националистических кругов, что не вызывает удивления, если учесть внутреннюю ситуацию. С другой стороны, это католичество столкнулось с бурной реакцией польского духовенства. Польские католические священники воспринимали Католическую Церковь в России как Церковь национальную, потому присутствие русских в Католической Церкви казалось им подозрительным. По этой причине русские католики, а также те, кто их поддерживал (блаж. Леонид Федоров, св. Владимир Абрикосов, епископ Мишель Д'Эрбини, униатский митрополит Андрей Шептыцкий), высказывали мнение, что поляков надо отстранить от сотрудничества с русскими из-за национально-культурного антагонизма.

До 1917 г. на территории современной Российской Федерации существовали две римско-католические епархии и униатский экзархат, действовал 331 приход. В каждом большом городе был хотя бы один костел. В городах работали благотворительные организации и воскресные школы. После 1922 г., когда шел процесс над архиепископом Яном Ципляком и священником-прелатом Константином Буткевичем, началась плановая ликвидация Католической Церкви. Она закончилась в 30-х гг. Накануне Второй мировой войны в СССР работал только один приход в Москве*, обслуживавший западных дипломатов.

Сталинская религиозная оттепель не коснулась Католической Церкви. Более того, на перешедших от Польши землях, а также в Литве и Эстонии начались репрессии. Такая ситуация сохранялась до избрания Папой славянина – поляка. Это повлияло на зарождение в среде русской интеллигенции и части православного духовенства филокатолических настроений. Особого внимания заслуживает личность

* В 20-х гг. на территории СССР посланник Ватикана епископ-иезуит Мишель Дербини рукоположил многих священников и совершил несколько тайных хиротоний. Он сотрудничал с ватиканской комиссией «Pro Russia», задачей которой было ведение католической миссии на территории СССР. Перед этим епископ Дербини познакомился в Париже с библиотекой Гагарина, а также изучил историю католицизма в России. Свыше десяти лет он руководил политикой Ватикана в отношении СССР; вел секретные переговоры с Чичериным и Литвиновым, а также с обновленцами.

митрополита Ленинградского Никодима (Ротова), под чьим влиянием в церковной среде зародился интерес к католичеству, возникли настроения единства. Огромную роль сыграл также и Александр (Мень), который оставил богатое богословское наследие, свидетельствующее о стремлении к примирению Церквей. Необходимо также помнить, что его ученики создали католическую общину под председательством Владимира Никифорова[2*]. Однако из-за репрессий Католическая Церковь в СССР вынуждена была уйти в катакомбы.

Свержение коммунистического строя в России открыло для католиков новые перспективы. Свободная коммуникация с миром с самого начала вызвала не только положительное настроение русских по отношению к политическим и экономическим стандартам Запада, но и уважение к его культурным и духовным ценностям. В этот период возобновили свою деятельность многие католические приходы. Инициаторами были поляки либо немцы. Затем вокруг этих приходов начала собираться русская молодежь. Однако и сегодня этническое католичество в России – явление весьма редкое. Причиной в основном являются смешанные браки, обрусение и незнание языка предков. Но не только. Русский язык, по сути, является литургическим языком.

Возрождение католичества имело также и негативные последствия – стал оживать польско-русский конфликт на религиозной почве. Поляки играют сегодня доминирующую роль в Русской Католической Церкви. Они преобладают среди духовенства, а также являются ее иерархами. 13 апреля 1991 г. Иоанн Павел II учредил апостольские администратуры для европейской и азиатской частей Российской Федерации, поставляя одновременно епископов для этих администратур (это, например, архиеп. Тадеуш Кондрусевич в Москве[3*] и еп. Иосиф Верт в Новосибирске). В дальнейшем каждая из администратур была разделена на две меньшие: 23 ноября европейская часть – на северную (с архиеп. Тадеушем Кондрусевичем, поляком) и южную (с еп. Клеменсом Пикелем); 18 мая 1999 г. сибирская – на западную (с еп. Иосифом Вертом) и восточную (с еп. Ежи Мазуром, поляком)[4*].

«В 1991 г. мы начинали с нуля, – рассказывал еп. Тадеуш Кондрусевич. – Имелось лишь 10 зарегистрированных приходов, 8 священников, среди них двум было за восемьдесят. У нас было только 4 часовни и два храма. Сегодня у нас 4 епархии, число священников достигает 270, около 400 монашек, 230 зарегистрированных приходов. Кроме того, 300 катехитических пунктов и 20 благотворительных. 10% священников – это выпускники духовной семинарии в Санкт-Петербурге. Хорошо развита благотворительная деятельность на государственном, епархиальном и приходском уровне. Особое внимание уделяется катехизации детей, молодежи и взрослых. С 2000 г. мы начали окормлять студенческую молодежь и значительное количество московской интеллигенции. У нас работают священники из 22 стран мира. Заслуги польского духовенства самые значительные. Они составляют около 35% всех священников, работающих в России. Большинство из них – иеромонахи»[1].

11 февраля 2002 г. апостольские администратуры были преобразованы в архиепархию и три епархии. Папа учредил также митрополию Божьей Матери в Москве, которая окормляет все русские епархии. Во главе ее стоит архиепископ Тадеуш Кондрусевич. В соответствии с нормами канонического права Католической Церкви этот шаг можно расценить как создание поместной Католической Церкви России. Это стало, в частности, следствием выдворения из Российской Федерации ряда священнослужителей-иностранцев (в том числе и еп. Ежи Мазура). На этой территории в конце 2007 г. существовало свыше 220 приходов и около 3000 маленьких, незарегистрированых общин, в которых служило около

[2*] Она была ликвидирована КГБ в 1983 г.

[3*] 21 сентября 2007 г. Папа Венедикт XVI отозвал его с кафедры и назначил митрополитом Минским и Могилёвским (Беларусь). Его преемником в Москве стал епископ Паоло Пэци, бывший ранее ректором духовной семинарии в Санкт-Петербурге.

[4*] Это самая большая католическая епархия. Ее площадь – 10 млн км^2; население – 16 млн человек, причем среди них около 1 млн имеют католические корни. На территории епархии находится 43 зарегистрированных прихода и 57 общин, в которых служат 48 священников и 47 монахинь (преимущественно из Польши).

[1] Nie miałem sukcesów w dialogu z prawosławiem. "Przewodnik Katolicki" 42/2007. Z arcybiskupem Tadeuszem Kondrusiewiczem, dotychczasowym metropolitą archidiecezji Matki Bożej w Moskwie, nowym metropolitą mińsko-mohylewskim, rozmawia Krzysztof Tomasik (KAI) [У меня не было успехов в диалоге с православием. С архиеп. Тадеушем Кондрусевичем, в прошлом митр. Московским, ныне митр. Минско-Могилевским, беседу вел Кшиштоф Томасик].

220 священников и 230 монашек. Большинство из них приехало из Польши.

Начало 90-х гг. ознаменовалось основанием на территории России католических монастырей. Вначале это были ассумционисты и доминиканцы, затем францисканцы[5*], редемптористы, вербисты-миссионеры, конвентуальные братья, сестры-павлинки и кармелитки. После принятия Закона о свободе вероисповедания (1990) стало возможным зарегистрировать 21 июня 1992 г. Независимый российский регион Общества Иисуса[2]. В 1999 г. была создана Русская народная конференция игуменов и игумений католических монастырей.

Иезуиты начали свою деятельность с открытия больниц в Новосибирске, превратив этот регион практически в крупнейший центр католицизма в Сибири. В 1990 г. там открылось отделение благотворительной католической организации «Каритас», помогающей лечебным учреждениям. Через год город стал фактическим центром администратуры Ватикана на азиатской части России, которую возглавил иезуит Иосиф Верт[6*]. С этого времени здесь началась настоящая экспансия католиков. В сентябре 1995 г. в Новосибирске был создан иезуитский Центр духовного развития Иниго (Иниго – уменьшительное имя основателя ордена иезуитов Игнатия Лойолы). Летом 1996 г. открылся католический приют для детей. Тогда же на гуманитарном факультете Новосибирского университета католики стали читать лекции по богословию. В августе 1997 г. в Новосибирске был освящен кафедральный собор Преображения Господня. В декабре 1999 г. на 21-м дециметровом телеканале Новосибирска начала вещание Западносибирская католическая студия «Кана», которая выходит в эфир два раза в неделю по полтора часа. Новосибирск стал крупнейшим центром католицизма в России. Здесь за несколько последних лет построен кафедральный костел, начала работать семинария, налажен выпуск газеты, регулярно проводятся миссионерские съезды католического духовенства и монашествующих.

Немаловажно также, что иезуитом является нынешний секретарь Конференции католических епископов России Станислав Опеля. Иезуиты создали в Москве свое высшее учебное заведение – философский колледж. Они чрезвычайно активны в Московском университете, особенно на факультете журналистики. Кроме того, Католическая Церковь начала учреждать школы разного типа и духовные семинарии. В 1991 г. в Москве был открыт Богословский институт им. св. Фомы Аквинского, который открыл филиалы в Санкт-Петербурге, Новосибирске, Саратове, Калининграде. Студенты – светские люди, а также монахини. С 1993 г. работает Духовная академия в Москве, а с 1995 г. – в Санкт-Петербурге. Выпущены первые после 1981 г. русские католические священники. Работают также духовные семинарии в Новосибирске и Санкт-Петербурге, имеется школа диаконов в Москве, католическая гимназия в Томске. Священник Келлер в своей книге подчеркивает, что семинарии были открыты для того, чтобы привлечь русскую молодежь в католическое священство[3]. Были открыты также многочисленные католические гимназии и школы, а также молодежные центры. Силезианцы из польской провинции включились, на основе договора с местными школьными властями, в воспитательную деятельность. Они создают летние молодежные лагеря. Кларетины польской провинции организуют миссионерские путешествия по территории Российской Федерации. Францисканцы основали на территории Российской Федерации благотворительную организацию.

Было основано также несколько католических издательств. Так, издательство «Истина и жизнь» 2 октября 1994 г. выпустило в свет первый католический еженедельник Московской митрополии «Свет Евангелия»; оно издает также богословский журнал «Theologia». С 1993 г. функционирует издательство «Духовная библиотека», которое спустя два года вышло на уровень самофинансирования. В настоящее время оно выпускает около 600 наименований в год тиражом свыше 130 тыс. экземпляров.

[5*] 21 февраля 2001 г. решением Генерального капитула ордена три российских монастыря (в Москве, Санкт-Петербурге и Калуге) были объединены в Российскую генеральную кустодию св. Франциска Ассизского. В 2002 г. к ним примкнула община в Черняховске, где работали братья из Гданьской провинции св. Максимилиана Кольбе, а в 2004 г. – монастырь в Астрахани и община в Элисте, ранее принадлежавшие Краковской провинции св. Антония Падуанского и блаж. Иакова Стрепы.

[2] Ср.: http://www.jesuit.ru/history/historyRus.htm

[6*] Устав ордена категорически воспрещает иезуитам занимать епископские кафедры, за исключением тех, которые представляют для Католической Церкви особый интерес в плане миссионерской деятельности.

[3] *Koller Ks. S.* Odrodzenie Kościoła katolickiego na Syberii. Kraków, 2001. S. 288.

В 1996 г. в Москве начала свою работу радиостанция «Дар», в 1997 г. в Петербурге – радио «Мария», а в Новосибирске – TV-канал «Кана».

Во всех этих церковных и религиозных учреждениях работают в основном польские священники и монахи. Станислав Коллер пишет, что в Западносибирской епархии работало 31,5% поляков, 19,2% немцев[4]. В коллегии пресвитеров священники-поляки играют решающую роль. То же можно сказать и в отношении мужских и женских монастырей. Епископы приглашали на работу также светских учителей Закона Божия. Первым среди них стал в 1990 г. Ярослав Басель, выпускник Академии католического богословия в Варшаве. Он работал вместе с другими поляками, готовя катехуменов к крещению. Примас Польши – кардинал Иосиф Глемп отправил в Россию супругов Дороту и Марка Мачугов, которые начали долгосрочную катехитическую работу в Сибири – стали готовить русских учителей Закона Божия. Многих из них епископ Верт командировал учиться в Католический университет в Люблине. В начале 90-х гг. в польском городе Сувалки, расположенном на северо-востоке, был открыт Центр богословских исследований с целью подготовки католических катехитов для России (все выпускники направляются для служения именно в Россию).

Священник Коллер называет следующие характерные черты духовенства, действующего в Российской Федерации: *прочная связь с традицией национальной Церкви, подчинение наследству II Ватиканского собора, монастырская модель священства и миссионерства.*

В связи с тем что со временем в среде католиков в Российской Федерации начали преобладать русские, все чаще стали звучать как со стороны светских, так и со стороны духовных лиц отрицательные оценки «польских особенностей» Католической Церкви в России. Обращает на себя внимание тот факт, что польские священники стараются навязать русским приходам польские культурные традиции. Так, в одном из небольших русских городов русские католики объявили: «Мы приняли католическую веру, а не польское гражданство; хорошо бы поляков лишили виз – потихоньку бы рос русский католицизм без польских командиров, а мы бы для окормления лет десять поездили за границу»[5]. Польских священников упрекают также в неприязни к России[6].

Этот взгляд четко отражается также в мнении относительно польского духовенства, высказанном молодым лидером движения русских ортодоксальных католиков «Русская Фаланга»: «*В свое время бл. Леонид Фёдоров – Экзарх Русской Греко-Католической Церкви – говорил, что как англичанин не может быть миссионером в Ирландии, так и поляк не может быть миссионером в России. И я уверен, что до того времени, как в России накопится достаточное количество русских по происхождению католических священников, к нам лучше присылать итальянцев, испанцев, американцев... А не поляков*»[7].

Напомним, что проблема католичества в России всегда была связана с польским вопросом. Исторический конфликт между Польшей и Россией был закреплен последствиями великого раскола 1054 г. и повлиял на славянскую традицию. Резкая конфессиональная и культурная граница разделила славянский мир. Латинское христианство польских славян было для России всегда существенной проблемой. Россия смотрела на Польшу, рассчитывая в перспективе присоединить ее к семье православных славян, поэтому действия поляков в роли католических миссионеров становились причиной разногласий.

Во время Евхаристического конгресса в Бари в 2005 г. митр. Ярославский и Ростовский Кирилл напомнил о постоянных попытках польских священников обращать в христианство земли, которые давно уже христианские[8]. Вместе с тем

---

[4] Там же. С. 262.

[5] *Воронцова Л., Филатов С.* Судьба католицизма в России.

[6] См.: http://www.pravoslavie ru/analit/sobytia/papavisit3.htm – за 01.03.2008.
На сайте: http://www.pravoslavie.ru/analit/021114161123 можно прочесть следующие слова: «На пороге нового тысячелетия постоянными подстрекателями Крыма и горцев против России были поляки, которые до всяких разделов в течение четырех веков, от Болеслава Смелого до Сигизмунда, неустанно стремились на восток».

[7] Интервью главы «Русской фаланги» Игоря Григорьевича Лавриненко корреспонденту газеты «Кризис ппп» – http://oprichnoebratstvo.narod.ru/i/falanga.html

[8] *Wiśniewska K.* Rosja Benedykta // Gazeta. pl: Świat Komentarze i analizy. Czwartek, 2005. 7 lipcą; см. также: http://areopag.christnet.sk/viewtopic.php?p=27384&sid=5935b987df872d05aad098dc3219dcf3

нередко можно встретиться с позицией, которую представляет Игнатий Павлюс, возглавивший в 1990 г. приход в Иркутске (настоятель яркий и не совсем типичный представитель католического духовенства). Из Кракова в Сибирь его привела глубокая любовь к России и русской культуре. Иркутский ксёндз принял российское гражданство и ввел регулярные мессы о возрождении России. Отец Игнатий убежден, что «Россия еще станет "сердцем мира"».

Можно отметить еще один аспект проблемы русского католичества. Для русских огромное значение имеет единство веры и культуры. Русский, переступая порог католического храма, ожидает, что очутится в западном культурном пространстве. При этом русские не возражают против итальянской, немецкой, американской либо аргентинской традиции в Церкви. Отождествлять же Польшу с Западом они категорически отказываются. К тому же постоянно слышны голоса, призывающие к русификации католичества в России. Все более заметным становится процесс формирования русского католического сознания на фундаменте русского патриотизма.

Одновременно в среде русских католиков можно наблюдать медленную, но заметную тенденцию к реинтерпретации русской истории, культуры и духовности. Многие русские католики убеждены, что Россия относится к Западу, ее культура и религия являются частью западного наследия. Русская неприязнь к Западу, по их мнению, – это минувшее прошлое, ибо Россия, пережив период отторжения от Запада, вернулась к нему в XVIII столетии, а потом еще раз в конце XX в. Католичество для них является оплотом западного консерватизма. Без него интеллектуальному кругу русских нелегко было бы принять и понять современный Запад. Эта часть населения привязана к таким ценностям, как политическая свобода, достоинство человека, преимущество права.

Приложение

РОССИЯ НЕ БУДЕТ КАТОЛИЧЕСКОЙ

Беседа с отцом Станиславом Пелей, начальником независимого Российского региона Общества Иисуса (ордена иезуитов)[7*]

– В русской прессе, а еще чаще в высказываниях православных иерархов звучит определение «каноническая территория православия». Какое значение вкладывают в этот термин представители Московской Патриархии и какие последствия это имеет для других вероисповеданий?

– Как правило, представители Московской Патриархии считают, что территория бывшего Советского Союза – это сфера влияния исключительно православия. При этом само понятие «канонической территории» довольно сомнительно. Ничего такого не существует. Жители Западной Европы, начиная с Польши, в большинстве своем католического или протестантского вероисповедания. Однако ни одно из этих вероисповеданий не претендует на какую-либо свою каноническую территорию. На одной территории действуют разные Церкви со своей иерархией, в том числе и Православная Церковь.

Я был в Риме и встретился с Иоанном Павлом II вскоре после назначения православного митрополита Северной Италии. Папа смеясь сказал: «Не вижу никаких препятствий – напротив, я был бы очень доволен, если бы резиденция митрополита находилась в Риме. Тогда контакт у нас был бы лучше».

Что значит это для других вероисповеданий? Прежде всего то, что Московская Патриархия желала бы давать разрешения, а скорее отказывать в разрешении на создание любой, даже небольшой структуры иной Церкви или конфессии. 3 марта 1992 г., на первой встрече в Женеве, католическая

[7*] См.: Новая Польша. 2001. № 4 (апрель). Беседу вел Мариуш Сельский.

и православная стороны пришли к соглашению, которое обязывает их информировать друг друга о возникновении новых структур. Однако в коммюнике для прессы по итогам встречи был использован довольно расплывчатый термин – «взаимные консультации». Понятие «консультация» весьма неопределенно. Оно может означать и информирование, и требование получения согласия Московской Патриархии на деятельность на этой территории. Впоследствии католическая сторона уточнила смысл этого термина в инструкции папской комиссии «Pro Russia» от 1 июня 1992 г. Инструкция объясняет, в чем должно состоять взаимное информирование. Однако это документ только Католической Церкви, и практически он обязывает лишь одну из сторон. Что касается другой стороны – можно лишь выразить пожелание, чтобы все происходило именно так.

– Вы сказали, что Московская Патриархия понимает под «канонической территорией» все земли бывшего СССР. Таким образом, к ней отнесена и традиционная сфера влияния Римского Католичества, представленная многочисленной группой верующих, живущих на территории прежней Речи Посполитой. Как Вы интерпретируете папское решение об изменении границ ряда епархий в Литве, Белоруссии и на Украине и назначение новых епископов на эти территории?

– Новое епархиальное деление в западной части бывшего СССР и назначение новых апостольских администраторов отнюдь не было продиктовано желанием Папы отмежеваться от региона. К примеру, Московская Патриархия хочет по-прежнему иметь право решающего голоса в вопросе о Православной Церкви на Украине, поэтому назначение новой римско-католической иерархии или создание новых структур епархий идет параллельно с действиями Православной Церкви. Кроме того, это создает хорошую почву для экуменического диалога.

Если уж говорить о диалоге, то нетрудно предвидеть большие трудности. Термином «экуменизм» пользуются и Католическая, и Православная Церкви, однако понимают они его по-разному. После нескольких месяцев пребывания в России у меня создалось впечатление, что для Православной Церкви экуменизм означает ни больше ни меньше как обращение в православие. А всякая деятельность (иных конфессий. – *Ред. «НП»*), по евангелизации, даже ограниченная лишь вопросами веры и какими-то богословскими размышлениями, прямо квалифицируется как прозелитизм. Поэтому я полагаю, что с обеих сторон потребуется много доброй воли и много терпения, чтобы экуменический диалог действительно осуществился. Скажем, в Загорске продается «Антикатолический катехизис» – репринт издания 1916 г. Конечно, подобной деятельностью в Православной Церкви занимаются лишь ограниченные, узкие круги, тем не менее есть и такие тенденции.

– Не считаете ли Вы, что взаимоотношения католиков и православных отягощены вопросом о Греко-Католической Церкви и об отношении православных к униатам?

– Униатская Церковь – проблема для всех православных, независимо от их открытости или закрытости к прочим вероисповеданиям. Для них Греко-Католическая Церковь – нечто вроде троянского коня. Принять назначение апостольских администраторов им не так трудно, как принять то, что функционирует Униатская Церковь. Даже очень открытые люди в Православной Церкви, когда дело доходит до отношений с Униатской Церковью, придерживаются, мягко говоря, традиционных взглядов.

– Как Вы оцениваете визит примаса Польши в Россию и Казахстан, в ходе которого были затронуты, в частности, экуменические проблемы?

– Мне кажется, визит примаса был важен для взаимного познания и помощи местной Католической Церкви с польской стороны. Здесь по-прежнему ощущается огромная нехватка священников. Не потому, полагаю, что на территории бывшего СССР имеет место массовое обращение к религии, растет интерес к той или иной Церкви, но потому, что здешние католические общины сильно разбросаны. До недавнего времени у настоятеля костела в Иркутске был, по-видимому, самый большой приход в мире – до самого Владивостока. При таких гигантских дистанциях пастырские труды заведомо малоэффективны. Священнику под силу появиться в какой-то местности за все время раз-другой. Например, в Казахстане, где я сам побывал, расстояния так огромны, что 11–12 священников просто не в состоянии посетить все малые общины верующих. Знаменитое польское село Вершина находится в 100 км от Иркутска. Ксёндз всякий раз специально ездит туда. Если бы визит примаса мог содействовать тому, чтобы на эти территории прибыло больше

священников из Польши, я думаю, одна из главных целей визита была бы достигнута. Причем лично я придерживаюсь той точки зрения, что это не должны быть исключительно польские священники.

– Как соотносятся трудности во взаимных контактах между католичеством и православием с диалогом, начатым обеими конфессиями после II Ватиканского собора? Встречи происходят, определена некоторая область общего духовного блага...

– Диалог между православием и католичеством содержит известного рода парадокс. Между этими двумя Церквами общего больше, чем между какими бы то ни было другими, но в то же время диалог между ними менее всего продвинут. Тому, что создалось такое положение, несомненно, способствовала позиция Православной Церкви, прежде всего те ограничения, которым она подвергалась при коммунизме. Участие православной стороны в экуменических встречах часто увязывалось с обязанностью вести пропаганду режима. Не было ни одного экуменического собрания, на котором не был бы затронут вопрос о «мире во всем мире». Не было ни одного заседания Всемирного совета Церквей в Женеве, чтобы на нем не поднимали вопрос «борьбы за мир». Вот одна из причин, по которым диалог Католической Церкви с Православной сильно отстает от диалога с другими вероисповеданиями, в том числе и нехристианскими, например с иудаизмом.

– Как Вы оцениваете деятельность отца Александра Меня? Я имею в виду прежде всего привлечение интеллигенции к Православной Церкви и элементы экуменизма, содержавшиеся в том, что он проповедовал.

– Деятельность отца Александра Меня имела большое значение, хотя, в общем, ограничивалась довольно узким кругом. Однако если в православии вообще есть элемент открытости по отношению к Католической Церкви, то это в значительной степени заслуга отца Александра. Я поддерживаю контакт с людьми из его круга, в частности с теми, кто готовит к изданию собрание его сочинений, и ясно вижу, что с этими людьми действительно можно вести экуменический диалог, не пытаясь обратить друг друга в свою веру. После II Ватиканского собора нет никаких причин стремиться к обращению православных в католичество. У Католической Церкви нет такого стремления, хотя кое-кто из православных не только полагает, что она стремится к этому, но и прямо говорит об экспансии католичества на «канонической территории» православия.

После смерти о. Александра Меня связанные с ним круги стали принимать разную направленность, внутренне разделились. Это нормальное явление. Однако я думаю, что то, что посеял отец Александр, будет давать плоды, например, в каком-нибудь центре, созданном здесь католиками, но открытом для всех инаковерующих. Прежде всего – для всех, кому близка проблема веры, проблема Бога.

– В русской прессе нередко звучат обвинения в адрес польских священников, работающих на территории СНГ, в том, что они занимаются политикой или ведут полонизаторскую деятельность.

– Разумеется, в подобных утверждениях содержится большое преувеличение. И все же я считаю, что мы, поляки, должны быть особенно внимательны, чтобы служение наших священников воспринималось не как полонизация Католической Церкви в России, а как евангелизация. Именно поэтому, как я уже говорил, на этой территории должны работать священники не только из Польши. С другой стороны, очевидно, что католики в России – это прежде всего представители национальных меньшинств – главным образом польского, немецкого, частично белорусского и украинского. Эти люди хотят, чтобы богослужение совершалось на их родном языке. Вообще, это довольно сложная проблема.

В Казахстане, Таджикистане, Киргизии да и в Новосибирске поляки не знают родного языка. Пользуется им только старшее поколение, хотя чаще всего и оно знает лишь ежедневно читаемые молитвы. Неподалеку от Целиноградa, где я исповедовал верующих, со мной приключился забавный случай, который о многом говорит. Меня сразу спросили, могу ли я исповедовать по-польски, по-немецки, по-русски, по-украински. Я ответил, что не знаю только украинского, хотя предполагаю, что смогу догадаться, о чем пойдет речь. Так вот, исповедь происходила так: поляки говорили вначале «Niech bedzie pochwalony!» («Слава Иисусу Христу!»), немцы – «Gelobt», украинцы – по-своему, а потом все переходили на русский. Поэтому я думаю, что именно этот язык будет общим, даже, собственно, так оно уже и есть. Разумеется, я исхожу из того, что будут сохраняться группы, требующие совершения Литургии на своем национальном языке, что вполне понятно. Однако тут проявляется очередной

парадокс. Архиепископ Кондрусевич сообщил мне, что Православная Церковь желает, чтобы католическое богослужение происходило исключительно на национальных языках, а не по-русски.

Все это требует от национальных меньшинств большой зрелости. К примеру, московские поляки весьма отрицательно отнеслись к тому факту, что первая месса перед костелом свв. Петра и Павла на улице Мархлевского была отслужена по-русски. Думаю, это неправильное отношение: большинство верующих знало исключительно русский язык или, по крайней мере, владело им лучше, чем польским. Конечно, я понимаю разочарование поляков, которые помнят, что этот костел всегда был «польским», что построили его поляки. Однако в настоящее время архиепископ не может создавать национальные приходы. Следует более всего подчеркивать универсальное, вселенское измерение католичества, так как на вселенский характер претендует как раз Православная Церковь. Она стремится закрепить убеждение в том, что Католическая Церковь – это Церковь польская, немецкая, украинская, французская, английская. Какая угодно – только не Вселенская.

– Однако, с другой стороны, Православная Церковь сохраняет церковнославянский язык богослужения, и любая робкая попытка изменить это наталкивается на враждебность Патриархии. Верно, что церковнославянский – это «lingua sacra», объединяющая Православную Церковь, но вместе с тем он создает многие ограничения. Верующие плохо понимают архаичный церковнославянский, и, насколько я знаю, те, кто его отстаивает, делают это прежде всего по той причине, что он искони употребляется в Церкви, по приверженности к традициям. Православный, читая Библию в переводе на русский язык, имеет дело с текстом, который его Церковь не признаёт богослужебным...

– Кстати, и с переводом католических текстов на русский тоже немало трудностей, прежде всего терминологического свойства. В русском многому просто нет соответствий. Чтобы выполнить эту задачу, должен быть создан коллектив переводчиков, специалистов, которых здесь пока нет.

В настоящее время вырисовываются две переводческие тенденции. Первая – перенять православную церковную терминологию, вторая – просто русифицировать латинскую. Думаю, у обоих решений есть свои плюсы и минусы. В польском и любом другом западном языке многие церковные термины заимствованы из латыни и даже из древнегреческого. Однако они употреблялись много веков и потому сегодня уже не воспринимаются как иноязычные.

– Не кажется ли Вам, что ведущей целью Католической Церкви на территории бывшего Советского Союза должна быть новая евангелизация и прежде всего рекатехизация верующих? Католики в России, словно по примеру православных, часто полагают, что достаточно лишь некоего эмоционального «вклада», чтобы стать христианином. При этом им сложно выразить основополагающие истины веры.

– Да, это область довольно запущенная. Даже священники – я имею в виду местное духовенство – мало этим занимаются. Не только потому, что у них нет времени. Еще совсем недавно советское законодательство запрещало «пропаганду религии среди несовершеннолетних». Естественно, были попытки религиозного обучения вопреки запрету, но это были скорее отдельные случаи. В то же время следует подчеркнуть, что различные католические структуры сейчас пытаются наверстать упущенное. Особенную заботу об этом проявляет апостольский администратор. Уже сделаны первые шаги. Самый значительный пример – создание в Москве колледжа св. Фомы. Одна из задач колледжа – подготовка катехизаторов. Во время поездок по бывшему Советскому Союзу я имел возможность убедиться, что некоторые учителя польского языка, в частности в Казахстане, одновременно преподают основы Закона Божия. Священники, которые понимают значение катехизации, для которых важна, так сказать, вдумчивая вера, уже поручают катехизацию монахиням и мирянам. Уровень подготовки и у тех, и у других – скромный, поэтому так важно, что здесь, в Москве, создан центр по подготовке катехизаторов, у которого есть филиалы и в других городах на территории всей Российской Федерации.

Помимо этой основной катехизаторской миссии нужна катехизация в более широком значении слова. Я надеюсь, что Центр Общества Иисуса в Москве сыграет в этом важную роль. Необходимо найти место, где люди могли бы встретиться, побывать на конференции, посвященной проблемам веры и религии. Такого типа центр даст возможность русским католикам и православным понять, что католическое богословие, в противоположность православному,

развило то, что мы называем социальным учением Церкви. То есть то, чего у них здесь нет и что они считают излишним. Если бы на самом деле началось гармоничное сотрудничество между Православной и Католической Церквами, обеим Церквам было бы чем поделиться: они могли бы познакомиться с католическим социальным учением, а мы, католики, могли бы научиться ценить молитвенную сторону веры. Для православия это очень важно, чтобы не сказать больше: временами оно ограничивается лишь молитвой, причем молитвой не вдумчивой, не медитативной, а лишь изустной.

– Кроме социального учения, могли бы в России найти благодатную почву какие-либо иные идейные течения католицизма? Я имею в виду христианский персонализм, философию ценностей, вообще всю ту идейную сферу, которая в Польше представлена кругом «Тыгодника повшехного», журналов «Знак» и «Вензь».

– Несомненно. Хотя должен сразу оговориться, что речь идет об узком круге восприятия. Центр Общества Иисуса в Москве, а в дальнейшем, возможно, и в Новосибирске, безусловно, создается с ориентацией на университетскую среду. Образованные люди очень нуждаются в контактах с западной философией и западным богословием. Надо отдавать себе отчет в том, что это будут скорее небольшие группы.

Не стоит питать в иллюзий. Католическая Церковь в России всегда будет Церковью меньшинства. Кроме того, сознание людей на этой территории сформировано православием – это касается и католиков. Поэтому не следует просто импортировать западные формы религиозного культа. Местным католическим общинам нужны формы религиозного выражения, соответствующие складу ума и чувствам живущих здесь людей. Формы, которые вырастают на местной почве. Ясно, что многие формы в Католической Церкви имеют вселенский характер и не следует их менять, но есть множество нюансов, которые позволят не ущемить гордости этих людей, гордости, которая и без того часто перерождается в националистическую ограниченность и ксенофобию. Республики бывшего Советского Союза неизбежно должны пройти через эту фазу. Они должны вдоволь нарадоваться своей свободе и суверенности...

– А населяющие их народы – обрести свой национальный облик? Как Вы оцениваете положение в Католической Церкви, действующей на этой территории, с точки зрения постановлений II Ватиканского собора? Не кажется ли Вам, что коль скоро и в Польше остается сделать еще очень многое в этой сфере, то уж здесь-то придется начинать с с нуля? Как местная Католическая Церковь могла бы трансформироваться из иерархической в Церковь всех верующих?

– Я сформулировал бы это несколько иначе. Речь идет о том, чтобы, не ограничиваясь лишь институциональной формой католицизма, развить чувство причастности к Церкви. В этой области еще многое предстоит сделать – кстати, не только в России. Надо отметить, что на территории бывшего СССР налицо довольно широкая дифференциация, если сравнить различные действующие здесь католические центры. Там, где удалось сохранить преемственность веры, она перегружена традиционными средствами проявления религиозности, молитвами типа розария, литании, вечерни. Все остается так, как было до II Ватиканского собора, и нередко сводится только к этим формам. Хочу решительно подчеркнуть, что я не критикую, а описываю фактическое состояние. Нередко те самые формы, которые позволили сохранить веру, становятся своего рода бременем, особенно для молодежи.

Я считаю, что не надо с водой выплескивать и ребенка, перечеркивая традиционные религиозные формы, как это делают некоторые священники из Польши. Больше пользы будет, если эти формы обогатить новыми, вводя их с ориентацией на молодое поколение. Я имею в виду формы не только более привлекательные, но прежде всего воспитывающие. В Иркутске не было бремени традиций. Служащий там священник приступил к работе с людьми образованными, перед которыми проблема веры встала как проблема личная. Этот священник может – хотя не знаю, решится ли, – вводить новые формы проявления веры. В других местах сделать это гораздо труднее.

Приведу почти анекдотический пример. В деревне под Целиноградом священник призвал верующих по пятницам соблюдать пост, воздерживаться от мясной пищи. Одна из присутствовавших женщин, полька, упрекнула священника в неосведомленности: ее учили, что поститься надлежит по средам, пятницам и субботам. Она – свое, а ксёндз – свое. Думаю, так они и расстались, не переубедив друг друга, на основании чего можно полагать, что еще

некоторое время в католической религиозной жизни на этой территории будет сохраняться некоторая двойственность. Это касается в основном польских и немецких общин. В некоторых азиатских приходах немецкие священники не позволили установить алтари, обращенные лицом к прихожанам. Иногда это следствие традиции, а иной раз – прямо традиционализма. Представитель литовских иезуитов специально ездил в Среднюю Азию, чтобы убедить одного из местных приходских священников, что II Ватиканский собор не был еретическим. У этого священника были отчетливые лефёврские настроения (французский кардинал Лефёвр, ныне покойный, возглавлял французских католиков-традиционалистов, не признавших ряда решений собора. – *Ред. «НП»*), и в этом духе он воспитывал прихожан. Некоторые священники, руководствуясь своими пристрастиями, сумели, например, убедить верующих в том, что священник, который курит табак, совершает самый тяжкий грех, какой вообще может совершить духовное лицо.

– *Много говорят о религиозном возрождении в России. Действительно ли это явление столь широкомасштабное и глубокое, как это представляет западная печать? Я сам сталкивался скорее с безразличным отношением к религии, независимо от того, кем называл себя мой собеседник – православным, мусульманином или иудеем.*

– Это безразличие – одно из последствий коммунистического периода. Мне не кажется, что сейчас есть основания определять то, что происходит на территории бывшего Советского Союза, как религиозное возрождение. Да, конечно, люди принимают крещение, но вероисповедная практика оставляет желать много лучшего. Это относится и к Польше. Очевидные деформации в сфере нравственности – результат опустошений, произведенных коммунизмом. До войны поляки так не воровали, как сейчас. Во времена коммунизма кражи на производстве оказались возведены в ранг национальной добродетели. То же самое, если не хуже, – в России. Другая проблема, о которой мне говорят русские, – вопросы половой этики супружеской жизни, аборты. Этика труда деградировала. Должно пройти время, прежде чем люди поймут, что верить – значит жить по законам веры.

© Ковальска-Стус Х.